

ПАМЯТЬ

Из кармана минуты прошедших лет,
 месяцев выну,
Тополя под ветрами, дождями и солнцами
 дряхнут,
И мосты гнут под небом глубоким
 горбатые спины,
И цветок из далёкого детства
 сиренью распахнут.
Только память – покинутый дом,
 заколочены ставни,
Старый пёс уж не бродит, скуля
 и гремя ржавой цепью.
Город детства, возрастивший меня,
 мною навеки оставлен,
Горный край, полный рек и лесов,
 мне казавшихся степью.
Только память, паршивая тварь,
 кроме песен и музык,
Сохранила и метры земли, орошённой слезами.
Поздний вечер – удачное время для самоабыюза –
Вижу лица ушедших людей
 в том ментальном сезаме.
И танцуют вокруг головы черти, шрамы и кости,
Спотыкаясь, сбиваясь, не в такт,
 свои мрачные танцы,
И бежит молча крик под луной,
 простыню зажав в горсти,
Удирая при виде того, с чем хотел бы расстаться.

СЕГОДНЯ – ЗАВТРА

Догорит вечерняя заря,
Синеву заклеив чёрным скотчем.
Людам пожелав спокойной ночи,
Боги греют руки у огня.

Облака на звёзды поменяв,
Вмиг Сегодня превратилось в Завтра;
Нас с тобой, как хлопя, ест на завтрак
Новый рот прожорливого дня.

51К

Наш век дурной, как анаша,
Хоть мягко стелет, спать нам жёстко!
Из колыбели и в Ашан
Свернём в тупик на перекрёстке.
Глаза и кожа, руки, рты –
Спектакль с переодеваньем,
Из пункта «Я» до пункта «Ты»
Неизмеримо расстояние.
Стена, к которой поведут,
Разулыбается кирпично.
Сотни дверей то там, то тут,
В кармане ключ, но он скрипичный.
Ведь ты надежды подавал!
Но греешь ложку на спиртовке...
Скажи, мужик, не ожидал?
Не чухал ты такой концовки?
Вдоль окна плазмами горят,
Пульт в батарейках прячет литий.
От пункта «Ты» до пункта «Я»
Не довезут на безлимите.
Сквозь всю Москву струится путь,
Хоть тёмен он, но узнаваем,
В даль разношёрстную толпу
Везёт водила под насваем,
Мимо «Цветов» и «Шаурмы»,
Мимо погоста и развалин.
И нет на карте пункта «Мы»,
А значит, встретимся едва ли.

ПРОСТОЕ, МИРНОЕ, НОЧНОЕ

Спит улица, сомкнув уста,
И ночь тиха, и хищной львицей
Тень от какого-то куста
Ко мне в окно попасть стремится.

Луна бесшумно, как палач,
И не спеша обходит жертву,
Невидимых качелей плач
Во мраке действует на нервы.

А запоздалый гражданин,
В ночи боясь своей же тени,
Мимо строительных руин
Сочится в улицах сплетений.

И старый тополь под окном
Прижался к дому, будто в страхе.
Он от руки карандашом
Рисует двор при каждом взмахе.

УТРО

Электричку вырвало людьми,
Словно после лишнего стакана.
Побежит она, икая пьяно,
Ближе к центру, около семи.
Тамбур дверью весело греми!

Разукрасит розовым Восток,
Утро, солнцем окатив домищи,
А в подземке пьяный псевдонищий
Сипло стонет: «Выручи, браток!»
В моей кружке стынет кипятилок.

ЗДРАВСТВУЙТЕ!

Здравствуйте! Я здесь когда-то жил!
Затем ушёл, не переживши зиму.
Но лунную ущербность миражи
Домов, деревьев, как и прежде, примут.

Я, на глаза надвинув капюшон,
Ушёл в ночи, горя по-мотыльковски,
Оставив недописанный стишок –
Так уходил Владимир Маяковский.

Но я вернусь сюда, где лепестки
Ласкает лето тёплыми губами,
Где земли, изнывая от тоски,
Жмут руки рек своими берегами.

Вернусь сюда, где тихий, мирный быт
Дрожит под сапогами новобранца
И жизни изменяют темп ходьбы
В такт музыке кармического танца.

Где поутру художник, пьяный в хлам,
В жестянку тычет трупом сигареты
И боги молча курят фимиам
Над серыми могилами поэтов.

Я, растерявший схемы, чертежи,
Сюда вернусь, но в новой ипостаси.
Ну, здравствуйте! Я здесь когда-то жил!
И, обнулившись, вновь на жизнь согласен.

САД

Я выращу в душе прекрасный сад,
Чтоб кронами чесал он небеса.
Чтоб был он как в той самой поговорке –
Ни словом, ни пером не описать.

Нашёл в ней солнцем выжженный пустырь
И стал сажать на нём свои кусты.
Чтоб выросли на нём, благоухая,
Цветы, а не могильные кресты.

ГРУСТНОЕ, ЗАТО КОРОТКОЕ

Для чего так рано уходить?
Почему такая неизбежность?
Чтоб лёжа в темноте на досках гнить,
Под землёй, накиданной небрежно.

Всю жизнь воспринимал я как игру,
Шаг в пустоту, без компаса, на ощупь.
Теперь, всплакнув, роняет мне на грудь
Свою листву берёзовая роща.

За рощей мир для тех, кто во плоти,
А здесь лишь с эпитафией скрижали.
Играет ветер траурный мотив,
И уши псы бродячие прижали.

Молчит гранит, увы, не говорят
Прикованные к этим метрам прочно.
Пришёл сюда я, чтобы удобрять
Самим собой кладбищенскую почву.